

Е.Г. Шатько

Колокольная летопись белорусских храмов (по материалам архивов и экспедиций)

В начале XXI в. мы привыкли к тому, что в храмах звучат колокольные звоны, СМИ создают теле- и радиопередачи о колоколах, звонарях, искусстве звона, открыты школы звонарского мастерства, проводятся фестивали. Однако еще 30 лет назад на всей территории СССР было опасно об этом и говорить. Население западных регионов Беларуси, прошедшее польскую оккупацию 1921–1939 гг., в условиях советской системы явило пример верности традициям Православия, продолжив озвучивать колокольным звоном богослужения, сохраняя родные кампаны, отлитые *«по любви к Дому Божию, а также в поощрение и созидание потомкам подражать добродетелям предков»*¹.

В данной публикации мы представили события с 1945 до начала 1980-х гг., записанные и систематизированные по материалам рассекреченных фондов Национального архива Республики Беларусь (НАРБ. Фонд 951), Национального исторического архива Беларуси в Гродно (НИАБ в Гродно. Фонд 478), Государственного архива Минской области (ГАМО. Фонд 812), Зонального государственного архива в г. Пинске (Фонд 679). Значительно дополнили повествование рассказы информантов: духовенства, звонарей прихожан². Сведения

---

¹ Фрагмент надписи на колоколе храма г. п. Шерешево Пружанского района Брестской области.

² Тексты интервью приведены с сохранением особенностей речи информантов.

собраны во время кампанологических экспедиций 2003–2010 гг., которые осуществлялись по благословению Митрополита Минского и Слуцкого Филарета, Патриаршего Экзарха всея Беларуси³, в 286 православных храмах западных регионов. Полевое изучение восточной части республики не имело смысла, т.к. к 1940 г. на этой территории были закрыты все храмы, сняты церковные колокола. Попытка составления летописи истории кампанов белорусских храмов предпринимается нами впервые.

К 1945 г. количество действующих церквей в Белоруссии достигло порядка 1044 (по другим сведениям 1093), большинство находилось в западной части. Открылось три монастыря – в Гродно, Полоцке и Жировичах. Освободившись от вражеского нашествия, верующие надеялись на улучшение отношения к церкви со стороны советских властей. Прихожане храмов, сохранившие свои церковные инструменты в условиях упорного сопротивления немецкой оккупации, обратились к председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР Г. Карпову с заявлением о разрешении колокольного звона. В докладной записке от 10 января 1945 г. на имя В.М. Молотова указывалось: «Совет... находит возможным разрешить повсеместно колокольный звон в церквях»⁴. Постановление СНК № 2137-546 от 22 августа 1945 г. предлагало Совнаркомам республик, облисполкомам и крайисполкомам «не препятствовать церковным общинам производить колокольный звон в городах и селах, используя имеющиеся колокола, и не препятствовать их приобретению»⁵.

Однако приобрести колокола было негде. Последний колокольный завод на территории СССР был закрыт в 1929 г. в г. Валдае. Достоверно известно только об одном факте покупки кампана в эти годы. Так, в 1945 г. прихожане д. Порплище Докшицкого района Витебской области со священником Михаилом Кузьменко (1915–1986) собрали с каждого дома средства и купили большой колокол в г. Вильнюсе (Литва). Об этом рассказал звонарь

³ С 19.09.1991 г. термин «Белоруссия» по отношению к названию государства в самой Республике Беларусь не употребляется.

⁴ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. док. / сост.: О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. – Москва : Крутицкое Патриаршее Подворье ; Общество любителей церковной истории, 2009. – С. 362.

⁵ Там же.

храма Юльян Михайлович Гапаненок: «В 1945 г. отец Михаил Кузьменко привез колокол из Вильнюса. Там на улице Музейной был разобран храм, распродалось все церковное имущество, в том числе и колокола. Помню, как его поднимали, какая радость у всех была! А батюшку власти невзлюбили и где-то в 1951 г. отправили на 10 лет в ссылку в г. Инта Коми АССР»⁶.

Другие же примеры приобретения церковных кампанов связаны не с покупкой, а с передачей храмам чужих богослужебных инструментов. Жители д. Омеленец Каменецкого района Брестской области получили колокола от самого маршала Г.К. Жукова за помощь Красной армии в годы Великой Отечественной войны. В 1945 г. настоятель церкви священник Евгений Мисеюк⁷ обратился с письмом к Георгию Константиновичу с просьбой о помощи в приобретении колоколов, ибо их забрали оккупанты. Как и где были добыты доставленные по приказу Г.К. Жукова колокола, можно строить догадки, но принадлежат они другим храмам, о чем свидетельствуют надписи на них. Самый большой колокол с надписью «ОТЛИТ ДЛЯ АНТОПОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ В 1934 Г. НА ПОЖЕРТВОВАНИЯ БЛАГОЧЕСТИВЫХ ПРИХОЖАН НА СРЕДСТВА ЦЕРКВИ В БЫТНОСТЬ НАСТОЯТЕЛЯ С. ЛЕВЧУКА И КТИТОРА В. ХОМИЧА»⁸ – собственность храма д. Антополь Дрогичинского района Брестской области. Меньший колокол принадлежал Грушевской церкви Каменецкого района Брестской области, об этом говорит текст на кампане: «ПЕРЕЛИТ НА СРЕДСТВА ПРИЧТА И ЖЕРТВОВАТЕЛЕЙ ПРИХОЖАН ГРУШЕВСКОЙ ЦЕРКВИ 1934 Г.»⁹.

Многие звоны ждут возвращения в свои храмы. Так, богослужебный инструмент д. Малые Жуховичи звонит не на родной колокольне, а в кафедральном соборе г. Минска. В церкви д. Новый Свержень Столбцовского района Минской области оказался колокол с надписью: «Вылит в Москве на заводе Димитрия

⁶ Зап. в 2007 г. от звонаря Юльяна Михайловича Гапаненка, 1927 г. р., в д. Порплише Докшицкого района Витебской области.

⁷ Священник служил в этом храме с 2 мая 1944 г. по 1 апреля 1948 г.

⁸ Надписи на колоколах приведены без исправлений.

⁹ Церковь в д. Грушевка Каменецкого района Брестской области не восстановлена.

Самгина весу 10 пуд в память 19 февраля 1861 года прихожанами Великой Жуковицкой церкви». Хранит память о своих прихожанах в одном из белорусских музеев колокол с надписью: «СЕЙ ЗВОН ПЕРЕРОБИЛ ФЕОДОР ГЛАЗУНОВИЧ С ЖЕНОЮ СВОЕЮ ДО ЦЕРКВИ СВЯТОЕ ТРОИЦЫ В ДОЛГИНОВЕ РОКУ 1679» из церкви д. Долгиново Вилейского района).

Нужно отдельно сказать, что автору известно более 30 молчащих свыше полувека кампанов, которые пылятся в хранилищах музеев городов Гродно, Молодечно, Минска, Витебска, Могилева. Как живые, они спрашивают: «Когда же о нас вспомнят прихожане храмов?» Да, в годы войны терялись люди, те же судьбы и у колоколов. Но как радостно находить друг друга! Помнят ли голоса «своих» колоколов прихожане Антополя, Грушевки, Малых и Больших Жуховичей?

После Великой Отечественной войны православные церкви западных регионов Белоруссии были поставлены перед условием заключить типовой договор между гражданами приходов и исполнительными комитетами районных Советов депутатов трудящихся на безвозмездное и бесплатное пользование храмами¹⁰. В обязательном списке документов, прилагаемом к договору, предоставлялась опись церковного имущества, в том числе колоколов. Чаще сообщалось кратко: «...колокола приобретены в 1937 г., вылиты на колокольном заводе братьев Фельчинских в Перемышле, весом 1. – 226 кг, 2. – 53 кг, 3. – 23 кг»¹¹. Согласно поданным спискам, в большинстве церквей к этому времени колоколов уже не было.

Проводя общегосударственную атеистическую политику, местные власти начинают оказывать давление на духовенство, церковный клир и членов их семей: запрещать крестные ходы «на Иордан» (в праздник Крещения), увеличивать налогообложение, уничтожать их урожаи, чинить препятствия детям священнослужителей при поступлении в вузы, даже разбирать дома священников, принуждая их покидать населенные пункты и закрывать церкви. Ведь не будет пастыря – разбредутся и «овцы», церковь можно закрыть!

¹⁰ В восточной части республики такая акция была проведена в 1922–1924 гг.

¹¹ Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в Гродно). – Фонд 478. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 3–5.

Многие храмы, открытые в годы войны по постановлению СНК СССР от 1 декабря 1944 г., местные власти старались закрыть. Так, в жалобе на имя Председателя Верховного Совета СССР М.И. Калинина верующие г. Осиповичи Могилевской области сообщали: «12 апреля 1945 г., воспользовавшись отсутствием прихожан, без понятых, без акта в 21.00 заведующий РОНО Лизун и директор школы Чернов самовольно взломали замки двух дверей (ломом и топором), ворвались в церковь, стали ломать и портить церковные вещи и утварь, привели церковь в невозможное состояние. На дверь церкви повесили свои замки, ключи забрали. Во время их бесчинства сбежался народ, который на коленях со слезами упрашивал их не делать этого беззакония...»¹².

В 1946–1949 гг. на территории бывшей Западной Белоруссии проводились реформы, ранее охватившие восточную часть. Продолжилось создание колхозов, а следовательно, и раскулачивание. Очередная волна репрессий коснулась «кулаков», военнопленных, вернувшихся на родину, людей, угнанных на работу в Германию в 1942–1943 гг. В их числе оказались и служители церкви, которые не были нужны власти после победы в войне. Постепенно церковные здания стали приходить в упадок, ибо ремонтировать их категорически запрещалось. Местные Советы принимали решения о закрытии храмов, самовольно распоряжались церковным имуществом. Так, в г. п. Телеханы Ивацевичского района Брестской области 16 июня 1950 г. в земле был найден колокол, спрятанный во время Первой мировой войны и принадлежавший церковной общине. Колокол у верующих был отобран и помещен в краеведческий музей, протесты и жалобы «остались без последствий»¹³.

Теперь кампании могли звучать в лучшем случае в филармонии как музыкальные инструменты. Архивные документы сообщили, что в 1952 г. церковные колокола понадобились для исполнения увертюры П.И. Чайковского «1812 год». «Командование Белорусского военного округа в лице инспектора военных оркестров

¹² Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 951. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 62.

¹³ Зональный государственный архив в г. Пинске. – Фонд 679. – Оп. 3. – Д. 12. – Л. 47.

гвардии подполковника Мироновича¹⁴ обратилось к настоятелю кафедрального собора г. Минска священнику Богаткевичу с просьбой выделения четырех колоколов для использования сводным духовым оркестром в смотре-конкурсе, который проходил 26.10.1952 г. в Доме офицеров»¹⁵. Согласие, конечно, было получено. Предполагалось, что по окончании мероприятия колокола будут возвращены в собор. Произошло ли это, нам не известно.

С 1952 г. прекратили существование Гродненская, Пинская, Брестская епархии, была образована единственная на всю Белоруссию Минско-Белорусская. Со смертью И.В. Сталина во главе руководства советского государства стал ярый атеист Н.С. Хрущев, возглавлявший ЦК КПСС с 1954 по 1964 гг. В 1959 г. на XXI Съезде КПСС Н.С. Хрущев заявил о скором построении коммунистического общества и обещал показать по телевизору последнего «попа». Как известно, в коммунизме нет места религии, а что говорить о колоколах? Торжество научно-технического прогресса должно было заменить веру в Бога, которая воспринималась как архаизм, а церковь – как пережиток отсталости и мракобесия. В годы правления Н.С. Хрущева генеральной линией партии стало уничтожение храмов, создание материального рая на земле без Бога.

По замыслам руководства Беларусь должна была стать примером атеизма и безбожия для всех остальных республик. На первое полугодие 1954 г., по данным уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по БССР Г. Семенова, действующих церквей значилось 966, из них в западной части – 707 и только 259 в восточной¹⁶. В ноябре 1958 г. прошла массовая чистка церковных библиотек, все иностранные издания были поставлены на цензорский контроль. В публичных библиотеках церковная литература хранилась в спецфондах, выдавалась по специальному разрешению для научной работы. Для ограничения

¹⁴ Оркестр штаба КБВО (ныне Главный военный оркестр Вооруженных Сил Республики Беларусь) был создан 4 августа 1950 г.

¹⁵ Православная церковь на Витебщине (1918–1991). Документы и материалы / редкол.: М.В. Пищуленок (гл. ред.) [и др.] ; сост.: В.П. Коханко [и др.]. – Минск : Национальный архив Республики Беларусь, 2006. – Л. 416.

¹⁶ НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 46. – Л. 20.

поступлений новых изданий выпустили «Инструкцию о порядке пропуска в СССР религиозной литературы и предметов религиозного культа». 28 ноября 1959 г. вышло постановление «О мерах по прекращению паломничества к так называемым “святым местам”».

В сентябре 1960 г. ЦК КПСС провел идеологическое совещание, на котором было решено ужесточить борьбу «с религиозными пережитками». В ноябре председатель Совета по делам Русской Православной Церкви В.А. Куроедов¹⁷ официально «впервые внес предложение о запрещении колокольного звона»¹⁸.

Постановлением Совета Министров СССР от 16 марта 1961 г. вводилась в действие «Инструкция по применению законодательства о культах», по которой решения о закрытии храмов и снятии с регистрации церковных общин начали приниматься на местном уровне по согласованию с Советом по делам РПЦ. По причине отсутствия желающих учиться в Белоруссии закрывается Жировичская семинария, хотя на самом деле намеревающихся поступать в нее отговаривали, запугивали, угрожали психбольницей, изымали документы и другим образом не давали возможности выбрать профессию священнослужителя. Стало опасно даже заглянуть в храм, но люди продолжали молиться, нелегально совершали церковные таинства.

В период правления Н.С. Хрущева по Церкви «был нанесен основной удар. С 1950 по 1966 гг. в БССР было закрыто 609 церквей и молитвенных зданий»¹⁹.

Силы гонителей и гонимых были неравны, но все же имели место случаи сопротивления советской системе. Прихожанам приходилось с боем отстаивать свои православные храмы от местных партийных деятелей. Жительница д. Суринка Елена Семеновна Щаюк вспоминает: «Нашу цэркву пасля вайны хацелі разабраць. Мы ведалі, што такое робіцца, дык ноччу пільнавалі, а прыехалі днём. Народ пачуў, жанчыны жалі, а мужыкі касілі, ды і прыбеглі з

¹⁷ Назначен в феврале 1959 г. на место Г. Карпова, отправленного на пенсию.

¹⁸ *Шкаровский, В.М.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах) / М.В. Шкаровский. – Москва : Крутицкое Патриаршее подворье, 2000. – С. 375.

¹⁹ Христианство в Беларуси : история и современность / Т.П. Короткая [и др.]. – Минск : Молодежное научное общество, 2000. – С. 53.

косами і сярпамі. Саветы падзівіліся, што народ бунтуецца, ускочылі на машыну і ходу»²⁰.

Колокола продолжали звучать в храмах деревень Лунно Мостовского и Цицино Сморгонского районов Гродненской области, Белавичи Ивацевичского и Большое Подлесье Ляховичского, Кожан-Городок и Лахва Лунинецкого, Лядец и Рубель Столинского, Стрельно Ивановского, Олтуш Малоритского, Новоселки Кобринского, Тростяница Каменецкого, Селец Березовского, Березовичи Пинского районов Брестской области.

Можно привести еще не один пример того, как колокольный звон, несмотря на запреты, не прекращался. Для этого жители, закаленные годами советской власти, нередко проявляли хитрость, смекалку либо «подыгрывали» системе. Интересный случай из своей юности вспомнил митрофорный протоиерей Иоанн Каминский: «Однажды в 1951–1952 гг. в д. Порплище пришли к звонарю, ветерану войны, какие-то начальники ругать, чтобы не звонил к службе... Запугивали его долго, молчал он, а потом говорит: “Сейчас поднимусь на колокольню и позвоню вам «за упокой»”. Они испугались и ходу»²¹. Отец Иоанн дополнил, что потом служил в д. Вертелишки Гродненского района Гродненской области и слышал от благочинного иерея Сергия рассказ: некто Мурин, председатель из г. Мосты, его спрашивал: «Сколько еще будете звонить?», а он отвечал: «Пока Советский Союз живет, будем звонить!»

«На радзіме не было памех, сколькі хочаш звані, – рассказывает священник Григорий Коледа, родом из д. Рубель Столинского района Брестской области. – Я прыехаў сюды ў 1984 г., разам з братам-свяшчэннікам на свята святога Аляксандра Неўскага. А перад гэтым мне казалі, што трэба схадзіць да упаўнамочанага па рэлігіі. Прыйшоў і кажу: «Свята будзе, нада в калакóлы званіць», а ён мне: «У-у! Пасадзім, бацюшка, цябе, калі будзеш званіць». А

²⁰ Зап. в 2007 г. от Елены Семеновны Щаюк, 1929 г.р., в д. Суринка Слонимского района Гродненской области.

²¹ Зап. в 2008 г. от митрофорного протоиерея Иоанна Каминского, 1928 г.р., в г. Мозырь Гомельской области.

я яму: «Ці не адна Беларусія, чаму это так? У Брэсцкай вобласці звонаць, а ў Гродненскай – запрашчаюць?» І не давалі званіць! А я, самазванец, званіў і ўсё. Запытаюць мяне, чаму званіў, а я кажу: «Забыў я». Што, яны мяне павесяць?»²².

Жена священника Мария Гавриловна Черкаевич рассказала: «До 1958 г. мы жили в деревне Бродница под Пинском, и был у нас звонарь-богомолец Тимофей Романович Казак. Звон уже в 1950-е гг. запрещали. Кто ему так подсказал? Может, Царица Небесная? Он приходит к нам и говорит: «Батюшка, знаете, завтра Первое мая, а я пойду звонить, если что, скажу, надо, чтобы демонстрация весело шла. Что будет?» Батюшка ему: «Тимофей Романович, все на ваших плечах, я вам и не разрешаю, и не запрещаю». Он спрашивает: «А церковь откроете?» – «Я не открою, но ключи дам». И вот подходит демонстрация к церкви... а он давай звонить. И пока они не ушли подальше, он все звонил. С того времени в церкви стали звонить и никто не препятствовал! Вот такой был эпизод интересный. Все тогда удивлялись и благодарны были, что звонарь наш сообразил так сделать»²³.

Дочь священника из д. Косуца Вилейского района Минской области вспоминает: «Званы – гэта прыгажосць, у кожнага свой голас, як бы яго не адлівалі. У Касуце звон пяе. Я любіла музыку і песні, і званіць любіла. Як было забаронена званіць, а я ўжо жыла ў Мінску, дык прыязджала ў Касуту на Вялікдзень і на фэст. На кожны фэст шылі новую сукенку. Тады брала ключы ў падлеткаў, залазіла на званіцу і званіла. Я нічога не баялася, і ніхто і ня ведаў, што гэта я званіла»²⁴.

Местные власти постоянно запрещали звонить в колокола и проводить богослужения. Например, в архивных документах имеется жалоба председателя сельского Совета д. Большие Жуховичи Кореличского района Гродненской области Козлова на имя уполномоченного по делам религий по Гродненской области

²² Зап. в 2006 г. от иерея Григория Колады, 1937 г.р., в д. Индура Гродненского района Гродненской области.

²³ Зап. в 2006 г. от Марии Гавриловны Черкаевич, 1927 г.р., в г. Пинске Брестской области.

²⁴ Зап. в 2007 г. от Ольги Александровны Лапицкой, 1917 г.р., в г. Минске.

Голубко от 5 апреля 1960 г.: «Исполком Жуховичского сельского Совета Кореличского района сообщает Вам, что священник Б[ольшой] Жуховичской церкви гражданин Митько нарушает положение о православной церкви... Он производил и производит службу в рабочее время, т. е. не только в воскресенье, и не после работы и до работы, как ему предлагали, а днем. Особенно сейчас в период весеннего сева этот бой звонов и служба днем наносит вред колхозам. Особенно женщины вместо посадки огорода и картофеля, развозки навоза и т. д. бросают работу и идут на молебны...»²⁵.

В борьбе с церковью атеистические власти не гнушались самых крайних мер. Нередко комсомольцам «поручали» ночью уничтожить церковь. Так, в 1950-е гг. в д. Бакшты Щучинского района Гродненской области местные власти сожгли церковь, «чтобы люди не в церковь в двенадцатые праздники шли, а на работу в колхоз. Только люди верующие знали, что работа в святые дни дело пустое: сгорит, сгниет, пропадет. Проверено»²⁶. Из воспоминаний звонаря Захара Яковлевича Михнюка из д. Березовичи Пинского района: «В 1960-е гг. вступили мы в колхоз, власть стала притеснять службу. Наш батюшка по фамилии Лебедев сказал: “Звоните в колокола, как положено, будут спрашивать, скажите, что я велел”. Председатель колхоза у нас была такая, ужас! А батюшка ее предупредил: “Я на твоём месте могу и сейчас работать, но ты на моем не будешь!”»²⁷.

Уничтожение или закрытие храма часто помогало получить повышение по службе местному руководству. В 1954 г. К. Володько под угрозой разрушения церкви «предложил» настоятелю храма д. Залесовичи Кричевского района Могилевской области в течение одних суток покинуть деревню²⁸. Священник был вынужден это сделать. Заведующий отделом агитации и пропаганды Кричевского райкома партии Бурдилов на собраниях «причитал», открыто призывая к поджогу храма: «Что нам делать, когда священник Кричевской церкви при похоронах устраивает демонстрацию,

²⁵ НИАБ в Гродно. – Фонд 478. – Оп. 1. – Д. 80. – Л. 49.

²⁶ Зап. в 2007 г. от звонаря Захара Яковлевича Михнюка, 1922 г. р., в д. Березовичи Пинского района Брестской области.

²⁷ Зап. в 2007 г. от иерея Виталия Утекаило, 1971 г.р., в д. Бакшты Щучинского района Гродненской области.

²⁸ НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 46. – Л. 20.

которая движется на кладбище со всеми церковными тряпками, и при этом надоел своим звоном? Наша агитация перед мракобесами бессильна, остается один исход – сжечь церковь»²⁹.

В этих условиях только святая вера придавала стойкости, помогала людям в жизни. Звонарь из д. Пески Мостовского района Гродненской области Михаил Иванович Чубрик вспоминает: «Прыхінаўся да сцяны і пачынаў званіць, а знізу нехта падсвечваў фанарыкам, маглі і застрэліць, бо людзі казалі аб гэтым, але Бог бярог мяне. Да, страшнае дзела было, запрашчалі званіць, а я ўсё роўна званіў! Бо як жа служба Божа бяз звону? Нездарма спяваюць: «Неба и земля!» Божанька чуе нашыя званы і малітвы»³⁰. Ольга Степановна Веренич из д. Стахово Столинского района Брестской области вспоминает: «У нас был такой староста, что не слушаў нікаго, званіў і ўсё. Тады всі цэрквы закрывалі і раскідалі, хацелі Саветы і наш храм закрыць. Староста Сцяпан Максімавіч Вярэніч, у яго не было дитэй, казав: «Не баюся. Дітэй са школы не ісклучаць, што хаціце са мною рабіце». А што яму толькі не рабілі: і агарод абрызали, і білі. А я бачыла, выйшла і кажу: «За что бьеце? Что бацькі і мацери вас не кресцілі?» Сцяпан Максімавіч не даваў ім ключы ад храма, казаў: «Толькі пасля маёй смерці». А па деревні кресты стоялі, так парцейны чоловік іх зрізал всі і пусціў в реку. Адзін крест в рацэ стоял, а другія паплылі, так у яго було трое дитэй і ні мае ніводнага зараз. Я була в різних храмах в Століне, в Лунінцу, но так нігде не звоняць хораша, як у нас. Натомішся, але Бог дае сілы і ідэш на службу Богу»³¹.

Надежда Владимировна Вечорко из д. Лядец Столинского района Брестской области рассказывает: «Звон запрещали, хотели наш храм закрыть, в Дубенце, в Бережном закрыли, и их жители к нам ходили. Я хоть и маленькая была, но помню – не давали звонить, но все равно звонили. У нас тут в д. Городец все кресты посрезали. А через какое-то время в д. Малые Орлы было сияние креста, на

²⁹ НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 46. – Л. 18.

³⁰ Зап. в 2006 г. от звонаря Михаила Ивановича Чубрика, 1935 г. р., в д. Пески Мостовского района Гродненской области.

³¹ Зап. в 2007 г. от Ольги Степановны Веренич, 1932 г.р., в д. Стахово Столинского района Брестской области.

кресте явилась Божия Матерь, и тогда многие туда приходили. Милиция приехала, не пускала людей, а ехали отовсюду. Но после этого кресты перестали срезать»³².

В некоторых приходах колокольный звон звучал в особых случаях, как исключение, и только с разрешения местных властей. «У нас калакала пры савецкай власці не званілі. Адкуль я знаю? Таму што 3 июня 1964 г. ў мяне умер сын, і я хадзіла да прадсядацеля Рахманавай. А яна кажа: «Ну дык калі легча цябе будзе, хай звоняць». І разрашылі»³³.

В одном из недавно рассекреченных документов Государственного архива Минской области – справке от 1967 г., подписанной уполномоченным совета по делам религий при Совете Министров СССР по Минской области Логвиненко, – сообщается: «не для печати: 1) не препятствовать зарегистрированным религиозным общинам колокольный звон в городах и селах, используя имеющиеся звоны, 2) не препятствовать приобретению звонов... 3) принимать решения по согласованию с Советом об ограничении колокольного звона, если это вызывается необходимостью и поддерживается населением»³⁴. Понятно, что население «вынуждалось» поддерживать ограничение звона, ибо он отвлекал от учебы, мешал отдыхать, взывал к совести.

Огласке документ не предавался. Однако, возможно, благодаря его закрытому распространению в храмах Белоруссии продолжали «колоколить». Прихожане д. Городная Столинского района Брестской области даже в Москву ездили узнавать, можно ли звонить. «В 1975 г. при моей службе в храме, когда хоронили старого священника, власти запретили нести крест и звонить, вспоминает митрофорный протоиерей Адам Полешко. Наши старики – Семен Иосифович Пешка и Ефимий Шелест поехали к гражданским властям в Москву спрашивать, кто запретил звонить? Они были малограмотные, но преданные душой Церкви. Приехали они, там их спросили: «А кто

³² Зап. в 2007 г. от Надежды Владимировны Вечорко, 1941 г.р., в д. Лялец Столинского района Брестской области.

³³ Зап. в 2006 г. от Надежды Николаевны Гайсы, 1924 г.р., в д. Индура Гродненского района Гродненской области.

³⁴ Государственный архив Минской области (ГАМО). – Фонд. 812. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 8.

вам запретил звонить?» Они отвечают, что местные начальники. «Тогда езжайте домой, звоните, пусть они дадут вам письменное указание, кто не разрешает звонить». Они приехали, и давай «ва вся» звонить. А церковь была рядом с сельским Советом. Да! Звон неотъемлемо связан с церковью, это часть нашего богослужения. Он дает нам знать моменты службы: когда прославляем Божию Мать. Как свадьба без музыки, так служба без колоколов невозможна. Звон настолько обязателен, что без него неполнота Литургии получается»³⁵.

Люди очень болезненно воспринимали закрытие и осквернение церквей. До 1964 г. совершались богослужения в деревянном храме в д. Степы Гомельской области. Рассказывает местная жительница Екатерина Парфеновна Шустова: «У нас в Степах стояла очень красивая, с тремя куполами, деревянная церковь во имя Казанской иконы Божией Матери. Когда ее сносили в 1964 г., упал большой колокол, земля вздрогнула, и попечитель-пономарь, который находился в это время рядом, упал без сознания... А в каком красивом месте стояла церковь! Вокруг нее рос хвойный лес. На церковном дворе был погребен священник и его семья, а также здешний пан со сродниками»³⁶.

И все-таки шло постепенное ограничение и запрещение звона местными властями. С 1960 г. уполномоченные по делам религий Белоруссии, угрожая закрытием сельских храмов, контролировали проведение богослужений и треб в период с 1 мая по 1 ноября только с 22.00 до 5.00. В эти годы прихожане продолжали отстаивать свои храмы, не давая их разорять и сжигать. И именно внезапно раздававшийся колокольный звон собирал население для сопротивления властям.

Мария Павловна Мордань из г. Пружаны Брестской области вспоминает, как в 1968 г. колокольный звон храма собрал жителей на защиту собора св. кн. Александра Невского, который власти намеревались закрыть. «Бацюшка, Царства яму Нябеснае, гаварыл: «Не воюйте, тут музей будет». А я кажу: «Нікакова тут музея не

³⁵ Зап. в 2008 г. от митрофорного протоиерея Адама Полешко, 1922 г.р., в д. Городная Столинского района Брестской области.

³⁶ Сведения предоставлены краеведом Н.В. Шукановым.

будзет! Не дам музея! Будзем ваяваць да паследняга! Я на звонах сідзела, і па начах мы дзяжурылі в цэркві, і на улiцы старажылі, штоб не строілі, гатовілі тут і кушаць. Да, Гасподзь дал, і не пастроілі! Днём прыехалі і міліцыя, і «чорны воран», автобус вялікі, а званіць нельзя было – запрэшчэно! А я зазваніла ва все звоны, і прыбеглі людзі, хто з поля, хто адкуль. Каб не звоны, людзі не сабраліся б, а звоны нашы звонкія, хорошыя! Хацела міліцыя страляць в меня. Пытаюцца: «Хто звоніць?» А Мікулічыха: «Пцічка нябесная звоніць!» Ну, якабы я з ума сашла. Яны кажуць: «Будзем страляць», но не відна в каго. А міліцыя вакруг храма, а я закрыта в цэркві. Патом началі дзверы ламаць, а бабы і кіямі іх, і за полы цягнулі. Вой бойка была! А тады аставілі нас і цэркаўку ўпакое»³⁷.

Певчая храма д. Доропеевичи Малоритского района Ярмонюк Нина Григорьевна расказывае о спасении своего храма Рождества Пресвятой Богородицы: «В 1965 г. 25 мая прыйхала з Малоріты міліцыя, механізатары, окружылі цэркву і давай автогенам спальваты замка. Влізлі в цэркву, а люды папрыбггалі з віламі. Што було! Адну жанчыну – Коренько – збілі так, шо на другі дзень памёрла. У нас быў стараста, тэлеграму даў у Маскву, што ў нас так робіцца, дык прыйхалі з Брэста. А тут у нас бой, мы і песком засыпалы глаза міліцыі, бо воны под'іхалы з машыною под саму цэрковь і ужо царкеўную утвар усю выносілі з храма. Але каму што так прыйшло, всыпалі пяску ў бак з бензінам. Яны трумкалы, трумкалы, і не пайшла тая машына. Тады вызвалі з калхоза трактар. Прыйшоў якісь другі міліцыянер-начальнік, а з яго пазрывалы пагоны, пабілі. Так тыя з Маларыты пешшу пайшлі ад нас ні з чым. Пасля того нам благачынны айцец Яўгеній Парфенюк благадарнасць даў, бо тады хацелі закрыць тры цэрквы ў Маларыцкім раёне, а пасля того то і оставілі ўжо власці ў пакое цэркаў у Ляховцах і ў другіх. Гэта так було. Цэркву нашу закрылі, мы всі булі веруюшчыя, а нам так хацелася до цэрквы ісьці! А як цэркаўка наша була закрыта, мы кожную ноч спалі на падлоге ў ёй, пільнавалі, каб не прыйхалі зноў яе абакрасты. Мы яё тры разы красілі, як вона була закрыта. Скільки мы поіздылі у Брэст, у Мінск,

³⁷ Зап. в 2006 г. от Марии Павловны Мордань, 1926 г.р., в г. Пружаны Брестской области.

шоб наш храм адкрылы. Одразу адкрылі в Ляховцах на Троіцу, а тады у нас на Панцэлеімана»³⁸.

«В Доропеевичах церкву люди отстояли, – дополняет звонарь Ефим Гаврилович Олесик, прихожанин церкви д. Олтуш Малоритского района Брестской области, – был бой с милицией, и мы свою сторожили каждой ночью посменно: одна деревня пройдет, переазывают другую. Всего было, лет пять сторожили»³⁹. В д. Черняны церковь стояла вдали от зданий, и ее могли поджечь, поэтому люди постоянно дежурили у храма. «Когда в 1965 г. поймали поджигателей, то пришли судить председателя сельсовета. Сняли с работы председателя, участкового, местный актив. После этого дежурили постоянно, и церковь была сохранена»⁴⁰, – говорит Анатолий Игнатъевич Демянко.

В 1963 г. местные власти сняли с регистрации и соответственно закрыли храм Успения Пресвятой Богородицы в д. Паниквы Каменецкого района Брестской области, но верующие не допустили ее разграбления. «Булі такія люды, шо распісаліся, шоб церкву разобралы... Вона до того була закрыта, а ключи булі у людэй. Начавалі там, сцераглі святыньку... а як прыйхала міліцыя, нехта пазваніў у званы, бо вяроўкі булі спушчаныя, збегліся людзі, што тут было! Лягалы люды пад трактара, біліся, а тады прэсэдацель калхоза аставіў нас і цэркаўку – супакоіўся»⁴¹.

В 1965 г. выходит постановление «Об использовании зданий, ранее занимаемых религиозными культурами»: храмы переоборудовались под склады, конторы, спортзалы, клубы, больницы. Имущество передавалось другим церквям, колокола изымались. Закрытые белорусские церкви часто грабили. Так, в 1970-е гг. в недействующий храм д. Иодчики Ивацевичского района Брестской области забрались воры, ограбили храм, в числе

³⁸ Зап. в 2006 г. от регента Нины Григорьевны Ярмонюк (1925–1912), в д. Доропеевичи Малоритского района Брестской области.

³⁹ Зап. от звонаря Ефима Гавриловича Олесика, 1927 г.р., в д. Олтуш Малоритского района Брестской области.

⁴⁰ Зап. в 2006 г. от Анатолия Игнатъевича Демянко, 1945 г.р., в д. Доропеевичи Малоритского района Брестской области.

⁴¹ Зап. в 2006 г. от Анны Григорьевны Климук, 1936 г.р., в д. Паниквы Каменецкого района Брестской области.

пропавших вещей было два колокола.

На вопрос: «Как же люди жили без службы и храма?» – жительница д. Головачи Гродненской области ответила: «Старыя падыходзілі да храма і маліліся»⁴². На праздники так происходило во многих населенных пунктах Белоруссии. Верующие собирались возле церкви, пели акафисты, читали молитвы. Так, в рассекреченных документах 136 фонда Национального архива Республики Беларусь мы познакомились с жалобами и заявлениями верующих и духовенства за 1966 г. Прихожане храма д. Болотня Рогачевского района Гомельской области в письме на имя председателя по делам религий при Совете Министров СССР В.А. Куроедова сообщали: «Нас постигло большое горе – закрыли нашу церковь, наше единственное утешение. Мы, матери и жены, убитых на войне, умоляем Вас: «Откройте вновь нашу церковь!»⁴³. Церковный совет г. Сморгонь Гродненской области писал, ждал ответы и надеялся много лет, Так, в заявлении от 24 мая 1966 г. сразу на три адреса: председателю по делам религий при Совете Министров СССР В.А. Куроедову, первому секретарю ЦК КПСС Л.П. Брежневу, Патриарху Московскому и всея Руси Алексию сообщалось: «Исполнилось пять лет борьбы за существование церкви в г. Сморгонь. Она стоит закрыта на замок, а верующие бесприютные собираются по воскресным дням под церковный уголок и там совершают свои молитвы без священника под открытым небом. На протяжении пяти лет мы обращаемся к Вам с просьбой избавить нас от этой недоли, вернуть нам церковь, а вы наши жалобы отсылаете на разбор местной власти. Они нас позовут, выслушают и отправляют ни с чем. ... В ночное время они выломали церковную дверь, ... в последствии мы увидели церковные вещи разбросанными по канавам. Через некоторое время церковь разорили, сделали из нее амбар или конюшню. Но нам дорога и эта конюшня, лишь бы нам ее посещать. Мы уверены, если власти по ошибке допустили церковь разорить, то для такого государства как наше не трудно будет и восстановить церковь. Уважаемые наши Вожди! Просим Вас, дайте нам свободно исповедовать свою

⁴² Зап. в 2006 г. от Веры Николаевны Шостка, 1917 г.р., в д. Головачи Гродненского района Гродненской области.

⁴³ НАРБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 5. – Т. 2. – 116.

веру в нашем храме, а не под углом церкви»⁴⁴. Ответ верующие не получили, первого сентября 1966 г. вновь отправили обращение на имя председателя по делам религий при Совете Министров СССР В.А. Куроедову, председателю Президиума Верховного Совета СССР тов. Подгорному и Патриарху Московскому и всея Руси Алексию следующего содержания: «Сморгонские власти нарушают законы нашей страны о свободе вероисповедания ... У нас в Сморгони закрыт последний храм. Ближайшая церковь находится в 6-ти км и все верующие г. Сморгонь лишены возможности молиться из-за дальности расстояния. Почему же нам, старикам не дают дожить до конца дней, соблюдая веру отцов? Сморгонская церковь играла большую роль в партизанском движении против немецких захватчиков, за что наш бывший священник (Владимир – *Е.Ш.*) Ровдо награжден медалью «За победу над Берлином». Просим вернуть наш храм и возможность молиться в нем»⁴⁵.

Через полгода, не получая ответа на свои многочисленные ходатайства, верующие отправили письмо на имя первого секретаря ЦК КПСС Л.П. Брежнева: «Единственная церковь была в г. Сморгонь. Она была отрадой для нас верующих 42-х деревень и г. Сморгонь. С 1 июня 1961 г. нам не разрешили молиться в нашей церкви... сняли кресты и купола, разрушили колокольню, потом крышу покрыли как амбар, окна забили досками, а теперь при закрытых дверях, как воры взрывают полы, те полы, на которые мы давали последние копейки! Но мы не в силах оставить и забыть свой храм, попавший в такое бедствие. По-прежнему собираемся по воскресным и праздничным дням для молитвы у стен нашего храма... в дождь, мороз, слякоть»⁴⁶. «Звонили словом» во все инстанции и верующие церкви Большая Лысица Несвижского района Минской области. В повторной жалобе на имя П.М. Машерова (1918–1978) указывалось, «Мы вторично убедительно просим Вас по-серьезному вникнуть в наше пятилетнее мытарство. По существу мы требуем то, что написано в нашей Конституции о свободе совести и праве на вероисповедание. Нас удивляет то, что написанное в законе право

⁴⁴ НАРБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 259.

⁴⁵ Там же. – Д. 5. – Т. 2. – Л. 104.

⁴⁶ Там же. – Л. 121.

нельзя практически реализовать... Партия не может допустить принудительных мер в отношении перевоспитания верующих... Местные органы власти Несвижского района применяют в отношении прихожан запугивания, привлекают к уголовной ответственности, организовывают походы по разграблению церкви, по снятию крестов и другие принудительные меры»⁴⁷. Далее в письме прихожане просили Петра Мироновича лично рассмотреть заявление, не пересылая его ни в какие инстанции и выслать на адрес доверенного лица.

По рассекреченным документам 136 фонда известно, что только «за 1965 г. и 4 месяца 1966 г. от 8 религиозных обществ, снятых с регистрации, поступило 26 заявлений. Особенно большую активность проявляли верующие деревень Паниквы и Рожковка Каменецкого района, Доропеевичи Малоритского, Липники Дрогичинского, Вороцевичи Ивановского, Велятичи Пинского. Верующие д. Паниквы 16 февраля 1966 г. обратились в Совет по делам религий с заявлением, которое подписали 407 человек, 190 подписей было под заявлением жителей д. Доропеевичи Малоритского района. Верующие д. Велятичи Пинского района заявление о возврате им церкви направили на имя XXIII съезда КПСС»⁴⁸. Писать было бесполезно, партия вела работу по перевоспитанию верующих, проводила «мероприятия по сокращению церковной сети»⁴⁹.

В эти же годы в некоторых действующих церквях прихожане переносят колокола в притворы, пономарку, на клирос (д. Илья Вилейского района Минской области, д. Остров Пинского района Брестской области и др.) и даже в алтарь (г. Борисов), то есть внутрь самого храма, чтобы «глас Бога» не нарушал покоя атеистов. По воспоминаниям Василия Михайловича Яблонского из д. Городьки Воложинского района Минской области, местные власти сняли большой колокол и доставили в г. Воложин в райпотребсоюз⁵⁰. Возможно, что та же судьба постигла колокола д. Дубой Столинского

⁴⁷ НАРБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 32.

⁴⁸ Там же. – Л. 234.

⁴⁹ Там же. – Л. 237.

⁵⁰ Зап. в 2003 г. от Василия Михайловича Яблонского, 1925 г.р., в д. Городьки Воложинского района Минской области.

района Брестской области. Иван Ананьевич Веремич рассказал подробнее: «Учителя запрещали, но я все равно с детства ходил в храм деревни Дубой. Старые люди рассказывали, что, узнав, что немцы хотят снять колокола, они за ночь сняли и спрятали звоны, а большой был 16 пудов. Перенесли его на кладбище и закопали, поставили крест и посадили дуб. Он был по счету пятый, и мы его не нашли до сих пор, а язык от него остался. Покойный звонарь говорил, что прятали его 3 человека. Когда война закончилась, было гонение на церковь, храмы закрывали. Имущество забирали, поэтому они не спешили. Два (человека – Е.Ш.) умерли, а третий жил долго, до 80-х. Можно предполагать, что колокол все-таки изыали, прижав одного из свидетелей. Наши поиски безрезультатны»⁵¹.

В письме заместителя Министра культуры БССР И. Минковича подчеркивалась необходимость «обеспечить учет и сбережение... предметов, имеющих художественную и историческую ценность и находящихся в составе церковного имущества...»⁵². 8 июня 1962 г. Министр культуры СССР издал приказ № 269 «О мерах по сохранению художественных ценностей, памятников литературы и произведений прикладного искусства в действующих и недействующих церквях, соборах и других культовых зданиях». «Люди наши не верили, – утверждает бывший секретарь парторганизации в д. Доропеевичи Малоритского района Брестской области Анатолий Игнатьевич Демянко, – что государство наше способно что-то охранять – только развалить, спалить или уничтожить. В 1970-е гг. приехала как-то комиссия общества охраны памятников из Бреста, чтобы прикрепить на церковь доску с текстом «Храм Рождества Пресвятой Богородицы, памятник старины 1671 года, охраняется государством». И вот пока мы стояли минут 20, уже собралась толпа людей. Когда людям сказали, что хотим повесить доску на церкви, то по настроению людей стало понятно: оставаться нам здесь опасно. Я говорю: «Пока нас здесь не поколотили, оставим доску у двери и

⁵¹ Зап. в 2007 г. от Ивана Ананьевича. Веремича, 1943 г.р., в д. Дубой Столинского района Брестской области.

⁵² НИАБ в Гродно. – Фонд 478. – Оп. 1. – Д. 78. – Л. 45–46.

уедем»»⁵³.

В 1969 г. Верховным Советом БССР принимается государственная программа создания многотомного «Збора помнікаў гісторыі і культуры Беларусі», для реализации которой в Институте искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы Академии наук БССР организовывается сектор, возглавляемый О. Терещатовой. Перед коллективом встала задача фиксации и описания церковного имущества, в том числе колоколов, а также спасения имущества закрывающихся церквей. В одной из поездок исследователи Э. Ветер и Ю. Ходыко обнаружили в церкви д. Молодово Ивановского района Брестской области уникальный колокол 1583 г. Впервые во второй половине XX в. появляется научная публикация о церковном раритете, представляющем материальную ценность православной церкви и народа. Молодовский звон до конца XX в. нашел укрытие в музейном хранилище.

Одновременно сохранившиеся колокола, произведенные до XVIII в., изымаются музейными работниками, осуществляющими экспедиции по Белоруссии. Отметим, что раритетные кампаны были спасены именно сотрудниками этих организаций, которые понимали их значимость. Так, директор краеведческого музея г. Кричева Могилевской области Михаил Федорович Мельников отстоял колокол, отлитый в 1748 г., который хотели отдать на переплавку. Этот звон с надписью: «Отлит колокол 20 сентября 1748 г. в Кричеве на заводе Никиты Чабана за счет жителя Федора Козла для Параскевской церкви». В начале XXI в. кампан возвращен в храм Воскресения Христова г. Кричева дочерью Михаила Ивановича к тому времени директором того же музея. Повезло и кампану, который был обнаружен сельским жителем в г. п. Телеханы Ивацевичского района Брестской области. 13 сентября 1950 г. газета «Советская Белоруссия» писала, что И. Лукашевичем из земли извлечен старинный церковный колокол... на котором сохранились надписи. Одна из них: «Вылит сей колокол в Москве на заводе Дмитрия Самгина, весом в 16 пудов 18 фунтов куплен крестьянами Телеханской волости первого мирового участка в

⁵³ Зап. в 2006 г. от Анатолия Игнатъевича Демянко, 1945 г.р., в д. Доропеевичи Малоритского района Брестской области.

память освобождения от крепостной зависимости 19 февраля 1861 года”. Местные крестьяне-старожилы утверждали, что во время Первой мировой войны жители села закопали в землю 4 таких колокола, желая сохранить их от немецких захватчиков»⁵⁴. Этот звон был доставлен в Пинский областной краеведческий музей и сохранялся там до лучших времен.

Колокола «помоложе» в 1960–1970-е гг. отправлялись на металлолом. Но почитание campanов как раритета и памятника прародителей осталось навсегда в сердцах верующих. Так, «в 1960-е гг. во время гонений коммунисты сняли колокола в церкви г. Слонима Гродненской области и сдали в магазин по заготовке цветных металлов, работники которого – Владимир и Иван Морозовы, образованные люди, – выкупили колокола и хранили до открытия храма, а потом вернули во вновь открытую церковь»⁵⁵. Еще один пример находчивости и благочестия по отношению к церковной собственности проявили прихожане д. Луково Малоритского района Брестской области. После закрытия храма, желая спасти колокола от поругания, жители тайно затопили их в озере. Стояло жаркое лето, и один из самых больших колоколов показался из воды. Кто-то сказал об этом председателю сельского совета, который принял решение разрезать колокол газосварочным аппаратом и сдать на металлолом. По чудесному стечению обстоятельств, когда колокол был поднят на землю, машина, транспортирующая газосварочный аппарат, сломалась. Прихожане воспользовались этим обстоятельством и под покровом ночи вторично затопили колокол в более глубоком месте озера. Таким образом он сохранился и после постройки нового храма был благополучно поднят на колокольную.

Смельчаки осмеливавшиеся поднять руку на святыни, по словам верующих, получали «Божие наказание». В 1960-е гг. разобрали храм в Русском Селе Сморгонского района Гродненской области. Звонарь Иван Моисеевич Ленкевич вспоминает: «Все участники этого злодеяния скоро погибли: одного раздавил трактор, другого

⁵⁴ Интересная находка // Советская Белоруссия. – 1950. – № 185 (13 сент.). – С. 2.

⁵⁵ Зап. в 2007 г. от благочинного протоиерея Владимира Бобчика, 1973 г.р., в г. Слониме Гродненской области.

парализовало, и 20 лет до смерти пролежал, у третьего дочка утопилась, и он с горя не выдержал – повесился»⁵⁶. «Прыбраў Бог тых людзей, што здымалі калакала, за іх грабасць Божыю, Матер Божыя іх прыняла ўперод. Гэта трэба было лізці на цэркву і збіваты крыжы! Это ж проста жах! – восклицает житель д. Луково Малоритского района Брестской области Трофим Алексеевич Онещук. – Тых, што разбіралі цэркву ў Лукаве, звёўся род, звялося пакаленне»⁵⁷. Два калакола проданы, але ўжо тых німа, оні праз тыя званы і калекамі сталі»⁵⁸, – подтвердил звонарь храма Рождества Пресвятой Богородицы Василий Васильевич Корделюк.

В 1963 г. покларал Господь безбожников, которые тракторами растягивали купола и кресты храма в д. Сороки⁵⁹. Со слов местных жителей корреспондент газеты «Веснік Глыбоччыны» С. Берникович записала: «Из-под груды лома достали колокол, медный, могучий, голос его вся округа слышала. Зацепили колокол за трактор и потянули по улице, вымощенной камнями. Жуткая была картина: трактор гудит, гусеницы трескочат, колокол сзади идет и жалостно плачет. И люди наши плакали, не видела до этого земля наша глумления такого и дикости. А трактористы... Один с женой обедал в столовой д. Порплище Докшицкого района Витебской области и хвастался, что в д. Сороки церковь помог уничтожить, разберется и с местным храмом в д. Порплище. Господь не допустил. Только он с женой за порог столовой вышел, сделали несколько шагов их и сбила насмерть почтовая машина. Другого смельчака-атеиста трактор в куче соломы растоптал... Все участники этого злодейства получили возмездие...»⁶⁰.

Очевидец событий в д. Вылазы Пинского района Брестской области Марфа Федоровна Корегляд свидетельствует: «Пока мои

⁵⁶ Зап. в 2005 г. от звонаря Ивана Моисеевича Ленкевича, 1927 г.р., в г. Молодечно Минской области.

⁵⁷ Зап. в 2006 г. от звонаря Трофима Алексеевича Онещука, 1932 г.р., в д. Луково Малоритского района Брестской области.

⁵⁸ Зап. в 2006 г. от звонаря Василия Васильевича Корделюка, 1923 г.р., в д. Луково Малоритского района Брестской области.

⁵⁹ В 1963 г. это был Глубокский район Витебской области. В настоящее время церковь не восстановлена.

⁶⁰ Берникович, С. Сэрцам не чулі / С. Берникович // Веснік Глыбоччыны. – 2002. – 2 кастр. – С. 5.

ноги будут меня держать, мне хочется быть в храме. Расскажу, как Господь хранил наш храм Рождества Пресвятой Богородицы и наказал того человека из д. Парохонск Пинского района Брестской области, который участвовал в разграблении нашей церкви. Пошел он с хлопцами воровать дерево, а лесник оставил топор и заминировал его. И надо ж было ему за этот топор взяться! Его как щепку по лесу разнесло! Как в первый раз приехали разбирать церковь, снимать крышу, мы охраняли и не допустили. То во второй раз наши местные начальники взяли из Городищ психбольных из больницы. Я вышла и говорю: «Мужчины, чи слышали вы, как в лесу мина разорвала человека? Это ж за то, что он наш храм разбирал!» Испугались они! Как не уговаривал этих больных начальник, они все твердят одно: «Ты иди первый, а мы за тобой». Так и уехали»⁶¹.

Приведем рассказ о тяжелых временах безбожия Марии Федоровны Красноперко из г. Ивацевичи Брестской области: «Жыла я ў вёсцы Бусяж Ивацэвіцкага раёна Брэсцкай вобласці. Там, у Успенскай цэркві мяне і хрысцілі. Там быў калакол і рэйка, і званілі да 1954 г. А тады анціхрысты запрацілі званіць, і шоб да 10-ці гадзін утра і служба кончылася. Пачалася вайна, 4 года была нямецкая акупацыя, і мы хадзілі ў храм. Я сама на клірасе пела. Вянчаліся мы з мужам скрыта, бо муж быў настаўнікам. Мне запрацілі хадзіць у цэркаў, бо яго знімуць з работы. А я ехала па другіх цэрквях, дзе мяне не знаюць, малілася. У мяне было ўжо двое дзяцей. Богу тое было не ўгодна. Была граза і гразой убіла майго мужыка. Я асталася адна з дзіцямі, пайшла у цэркаў і дзяцей панесла прычашчаць. цяжка было. У 1957 г. пераехала ў Ивацэвічы, устроілася на хлебאпекарню. Хадзілі ў цэркву, а ў 1964-м яе сажглі. З райіспалкома паслалі 5 камсамольцаў. На Праэбражэнне служба кончылася. Жаркі быў дзень, і яны запалілі цэркву. А сасед усё бачыў, як раз салдаты мыліся ў бані, дык кінуліся і паспелі вынесці вешчы. Хоць ня ўсе, але ж крэст з распяццем і некаторыя іконы паспелі. Распрэднялі тады тыя вешчы: якія ў цэркву вёскі Косава, ці куды. Цэрква згарэла, бо была дзеравянная, а гэтыя камсамольцы пагіблі: адзін пад трактар папаў, ды так скруціла, што не пазнаць было. Другі ў качагарцы памёр. Трэці сам на сябе рукі налажыў, а яшчэ двоух адной бабке казалі, німа яе, Царства

⁶¹ Зап. от Марфы Федоровны Корегляд, 1922 г. р., в д. Вылазы Пинского района Брестской области.

Нябеснае (крестится): «Нам цяпер страшна і жыць! Мы ўжо тожа пагібнем, страшна жыць!» То я не знаю, што з імі і дзе яны падзеліся: ці жывуць, ці не. А гэты начальнік райіспалкома, што камсамольцаў спаліць цэркву адправіў, фамілія яго была Біч, яго забралі ў Брэст на павышэнне. А праз некаторы час ехаў ён у Мінск на машыне і на пуці так разбіўся, што нічога з яго не засталася. А наш прыход прысаедзінілі да цэрквы ў Любіншчыцах, і 12 гадоў на пенсіі я адстаяла там на клірасе». На вопрос, что для нее значит колокольный звон, Мария Федоровна ответила, заплакав: «Эта мая душа. Эта маё ўсё: служба і калакол! Кагда слышу калакол, у мяне сэрца радуецца! Мая душа аддана Богу»⁶².

Постепенно начало усиливаться осуждение антирелигиозной политики советского государства со стороны зарубежных стран. Как писали авторы «Вестника русского студенческого христианского движения», издаваемого в Париже, «запрещение (использования колоколов. – *Е.Ш.*) преследовало цель: ослабить влияние на людей религиозных традиций и обычаев. Но колокольный звон является необходимым элементом религиозного культа, поэтому запрещение его является нарушением ст. 124 Советской Конституции. Ныне колокола в церквях небольшие, и колокольный звон слышен только в непосредственной близости от церкви. Он не может кому-либо мешать. Следовательно, запрещение колокольного звона нельзя ничем оправдать»⁶³.

Митрофорный протоиерей, ветеран Великой Отечественной войны Адам Полешко описал события своей молодости: «Было время, что и крестили ночью, на похоронах не давали крест нести и петь «Святой Боже». Покойные председатель сельсовета Дульский, председатель колхоза Нестерович, они думали пойти на повышение и обещали закрыть церковь. Хотели это сделать, как только помрет старенький священник. И вот, когда меня рукоположили в 1973 г., перед Пасхою власти во вторник повесили на церковь свой замок, приехали за мной и говорят: «Ваше руководство, что людей собрали? Проедем с нами в сельский совет». Проезжаем мимо

⁶² Зап. от Марии Федоровны Красноперко, 1923 г.р., в г. Ивацевичи Брестской области.

⁶³ Изгнание нищих из храма и запрещение колокольного звона // Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. – Париж-Нью-Йорк. – 1967. – № 83. – С. 53.

церкви, а там, может, человек 100 людей стоит. Зашли в сельсовет, один вооруженный вынимает пистолет и говорит: «Видишь, твое руководство!» Я отвечаю: «Я больше вашего видел оружие, надо было там, на фронте, смелым быть, где Родина требовала!» Он думал, что я испугаюсь. Приехали мы к храму, а прихожан собралось еще больше, человек 200. Сразу люди просили: «Отдайте ключи от храма, скоро Пасха». А когда поняли, что ключи не отдадут, откуда только что взяли схватили ломы и взломали замок. Председатель сельсовета выскочил из церкви в окно и бежать, а люди кричат: «Утопить его, отдай ключи!» Председатель колхоза говорит: «Я вам больше машины не дам дрова привезти». А женщина одна: «А мы и на плечах принесем». Окружили его со всех сторон, схватили и повели на речку, и кричат: «Утопить его!» Ох, испугался он, даже в лице переменялся. Довели до реки, стали одежду стягивать, а потом пожалели, отпустили. Наш участковый даже побоялся выйти из участка, только послал своего хлопца. Ключи от храма передали директору школы, хотя замок и так взломали. Всю Страстную седмицу народ караулил церковь днем и ночью: вокруг храма постелили постели, жгли костры. В Великий Четверг я служил, а потом прихожане опять стерегли церковь. Пасху праздновали с великим торжеством, колокола звонили! Так отстояли наш Свято-Троицкий храм»⁶⁴.

В 1970-е гг. государство начинает новую волну изъятия колоколов в «Рудметал» на сырье для переплавки. Эта организация не производила опись изъятых раритетов, поэтому сегодня их число, а также место изъятия неизвестны.

В марте 1967 г. был объявлен конкурс на создание проекта мемориала памяти погибших в годы Великой Отечественной войны. В конкурсе победил коллектив архитекторов: Ю. Градов, В. Занкович, Л. Левин, скульптор народный художник БССР С. Селиханов. «Работа над проектом захватила нас, вспоминал Леонид Левин мы придумали венцы срубов на месте бывших домов, обелиски в виде печных труб, но чего-то не хватало. Заросшее травой поле, свидетель трагедии,

---

⁶⁴ Зап. в 2008 г. от митрофорного протоиерея Адама Полешко, 1922 г.р., в д. Городная Столинского района Брестской области.

хранило мертвую тишину. И вдруг в этой щемящей душу тишине неожиданно запел жаворонок. Звук, тут должен быть звук!»⁶⁵, так родилась идея колоколов Хатыни. В 1968–1969 гг. кампаны общим весом 260 кг, находящиеся в Минском цехе «Белвторцветмет», были переданы Государственному музею истории Великой Отечественной войны для отливки специальных колоколов архитектурно-мемориального комплекса «Хатынь»⁶⁶. С удивлением автор книги слушала рассказы верующих о том, что церковные колокола изымали из храмов для Хатыни. Об этом сообщили прихожане д. Ласица Поставского района Витебской области, д. Лебедево Молодечненского района и д. Солтановщина Несвижского района Минской области. По свидетельству протоиерея Димитрия Хмеля, 1926 г.р., почетного гражданина г. Несвиж, «люди то не давали, но все делалось с милицией, забрали колокола почти во всем Несвижском районе!»⁶⁷. Истинно ленинский подход к культурно-историческому наследию!

Как-то странно, но именно в то время, когда официально звон был у нас запрещен, церковные колокола понадобились для озвучивания государственного архитектурно-мемориального памятника. Что это? Попытка гражданской панихиды? Однако колокола тогда уже отливать не умели, и звук этих «неосвященных» раритетов пел «мертвую колыбельную» в ландшафте уничтоженной деревни. Автор в детстве впервые услышала звон именно здесь. Воспоминания очень яркие. Скорбящей душе легче во время погребального церковного звона, звоны Хатыни другие, они «мертвые». Обнаруженные документы подтверждают, что отливка кампанов для этого комплекса была большой проблемой, поставленной перед Министерством культуры, Государственным комитетом Совета Министров БССР по радиовещанию и телевидению и даже Союзом композиторов. Колокола отливали, переливали, но они звучали как горшки. Рассматривалась

---

⁶⁵ Мемориальный комплекс «Хатынь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.khatyn.by/ru/about>. – Дата доступа: 03.07.2014.

⁶⁶ Хатынь. Трагедия и память : док. и материалы / Национальный архив Республики Беларусь; сост.: В.И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2009. – С. 198.

⁶⁷ Зап. в 2011 г. от митрофорного протоиерея Димитрия Хмеля, 1929 г.р., в г. Несвиже Минской области.

даже возможность использования звукозаписи звона колоколов.

Идею звучащего памятника подхватили архитекторы А.И. Макаров, А.Г. Маренич, Н.Н. Миловидов, скульптор М.С. Альтшулер – авторы мемориала в урочище «Гай» на северо-восточной окраине Барановичей. 24 июня 1972 г. состоялось открытие монумента чехословацким гражданам, погибшим в июне 1942 г. Фашисты расстреляли 3000 узников гетто «Терезиенштадт», доставленных в Барановичи по железной дороге. Главный монумент с церковным колоколом и барельефным изображением множества рук, предающих протест, боль и отчаяние реконструировали события 30-летней давности в Гае. Даже легкое дуновение ветерка раскачивает подвешенный к опорам колокол, и тогда глухой тревожный стон разносится по округе.

27 ноября 1978 г. министр культуры БССР Ю. Михневич подписал приказ «О мерах по обеспечению сохранности движимых памятников искусства, находящихся в культовых зданиях». В документе предписывалось завершить в течение 1979–1982 гг. обследование и паспортизацию движимых памятников искусства и коллекций, взятых на учет в действующих и закрытых культовых зданиях в целях предотвращения случаев хищения или утраты имущества церквей⁶⁸. Однако колокола белорусских церквей под действие приказа не попали, описание их не проводилось.

Таким образом, годы «атеизма» нанесли непоправимый урон белорусским церквям, колоколам и традиции колокольного звона, превосходящий даже разрушения военных лет. Были приняты радикальные меры по закрытию и уничтожению храмов, допущено их разграбление, ограничена возможность ведения богослужения, запрещен звон. Единичные прецеденты сопротивления верующих западных регионов Белоруссии, особенно в Брестской области, способствовали сохранению имущества церквей, их колокольных наборов, традиции звона. В послевоенные годы фонд колоколов еще более сократился. Само понятие кампана исчезло из реалий жизни и слуховой культуры городского населения.

---

⁶⁸ Православная церковь на Витебщине (1918–1991). Документы и материалы / редкол.: М.В. Пишуленок (гл. ред.) [и др.]; сост.: В.П. Коханко [и др.]. – Минск : Национальный архив Республики Беларусь, 2006. – С. 250.